

Веркёй Ж.

**ПОНЯТЬ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ***

Аннотация. По мере распространения по всему миру современный капитализм трансформировался и финансиализировался. Эти процессы привели к формированию различных научных нормативных подходов к оценке явления, которое обычно называют «глобализацией». В статье подвергаются критическому анализу два классических подхода к современной глобализации. Первый получил во Франции название «счастливая глобализация». Его представители, ссылаясь на авторов либерального направления, утверждают, что мировая экономическая интеграция в конечном итоге ведет к процветанию для всех при условии гарантированной свободной конкуренции. Второй подход содержит пророчество о «деглобализации» и предсказывает, что глобализация неизбежно будет устранена в результате народного недовольства, вызванного ростом неравенства.

В статье анализируются работы, которые иллюстрируют эти два подхода к глобализации, и сформулированы взгляды автора на этот процесс. Поскольку глобализация является противоречивым и нередко конфликтным процессом, мы убеждены, что еще слишком рано говорить о том, что она подошла к концу. В статье предложены сценарии, описывающие альтернативные пути развития глобализации. Наихудший из возможных сценариев – сценарий «Взрыва». Он предполагает отход от политики скоординированных решений в сфере глобальной экономики и может привести к экономическому, политическому и социальному обострению в масштабах планеты. Второй сценарий – «Регулирование» предполагает реформирование существующих институтов (МВФ, ВТО) и формирование новых устойчивых механизмов международного сотрудничества. Третий сценарий – «Регионализация» предусматривает реструктуризацию экономической активности вокруг крупных региональных полюсов. В этом случае международное сотрудничество будет развиваться на региональном уровне.

---

* Настоящая статья является продолжением и развитием работы «Перевосплощение глобализации. Заметки о четырех вероятных сценариях» [Vercueil 2019]. Редакция выражает признательность Ирине Георгиевне Животовской за помощь в уточнении перевода статьи на русский язык.

Ключевые слова: глобализация; недовольство; «счастливая глобализация»; «деглобализация»; сценарный метод; регулирование; регионализация.

Веркёй Жюльен – доктор экономических наук,
профессор экономики, вице-президент Национального института
восточных языков и цивилизаций (INALCO), Франция, Париж.
E-mail: julien.vercueil@inalco.fr
Scopus Author ID: 36712657200

Vercueil J. To Understand the Changes in Modern Globalization: Economic Outlook

Abstract. *During its process of extension throughout the world, modern capitalism has been transformed and financialised, provoking diverse normative stances among scholars about what is commonly called «globalisation». The article aims at challenging two classical views about modern globalisation: the first one has been called «happy globalisation» in France. Referencing itself to liberal authors who have been prolific on the subject, it argues that world economic integration is ultimately leading to prosperity for all, provided free competition is guaranteed. The other, opposite view is structured around the prophecy of «de-globalisation», predicting that globalisation is bound to be reversed by popular discontent fuelled by inequalities.*

The article analyzes the works that illustrate these two normative approaches to globalization, and formulates the author's views on this process. Since globalization is a contradictory and often conflictual process, we contend that it is too early to say that globalisation has come to an end. The article suggests scenarios that describe alternative ways of globalization development. The worst possible scenario is the «Explosion» scenario. It implies a departure from the policy of coordinated decisions in the global economy and can lead to economic, political and social aggravation on a global scale. The second scenario – «Regulation» involves the reform of existing institutions (IMF, WTO) and the formation of new sustainable mechanisms for international cooperation. The third scenario – «Regionalization» provides for the restructuring of economic activity around large regional poles. In this case, international cooperation will develop at the regional level.

Keywords: *globalisation; discontent; «happy globalisation»; «de-globalisation»; scenario method; regulation; regionalization.*

Vercueil Julien – Ph.D, Professor of Economics,
Vice-president of National Institute of Eastern Languages
and Civilizations (INALCO), France, Paris.
E-mail: julien.vercueil@inalco.fr
Scopus Author ID: 36712657200

Труды Роберта Райха в начале 1990-х годов об изменениях, произошедших в обществе под воздействием глобализации, не стали первыми публикациями на эту тему. Однако в них впервые была выявлена тесная связь между

интернационализацией производства, организацией труда и радикальными изменениями в профессиональной структуре занятости, оплате труда работников и вытекающими отсюда социально-политическими последствиями [Reich 1993; оригинал в 1991]. Исследование Райха относится к периоду, когда начинался новый этап в развитии глобализации: падение Берлинской стены отнюдь не стало «концом истории» [Fukuyama 1992], но открыло новое пространство для современного капитализма от Праги до Владивостока. При этом Китай, размеры экономики которого на тот момент были сопоставимы с российскими, всё больше вовлекался в мировые потоки товарообмена, превратив свое участие в международной торговле в один из основных источников экономической экспансии.

Отмеченные изменения дали импульс превращению некогда экономически отсталых стран в центры организации и финансирования промышленного производства и способствовали распространению применительно к указанным странам термина «быстроразвивающиеся экономики» («*économies émergentes*»). Однако процесс не был равномерным. С распространением капитализма по всему миру шла его одновременная финансиализация, что породило новые проблемы и противоречия. Результатом стали следовавшие один за другим финансовые кризисы: в 1995 г. в Мексике, в 1997 – в Южной и Восточной Азии, в 1998 – в России и Бразилии, в 2000 – в Аргентине, в 2001 г. – в Соединенных Штатах Америки и Европе, связанный с инвестициями в стартапы и новые технологии, затем – ипотечный кризис 2008 г. в США, повлекший за собой мировой финансовый кризис и «великую рецессию», наконец в 2011 г. – кризис суверенных долгов в зоне евро и т.д. Эти кризисы перемежались периодами значительного экономического роста, что вызывало геоэкономические потрясения, связанные с появлением новых региональных и мировых акторов, таких как страны БРИКС, которые требовали корректировки норм и правил с учетом изменений в процессе глобализации.

Противоречивый характер экспансии финансиализированного капитализма просматривался и в его внеэкономических последствиях: возрастании угроз для окружающей среды, потеплении климата, уменьшении биоразнообразия. Еще одним следствием распространения современного капитализма стало усиление неравенства, чему способствовала конкуренция национальных систем налогообложения [Piketty 2019]. В сочетании с еще одной ключевой составляющей современной глобализации – распространением новых способов коммуникации и социальных сетей – наблюдалось углубление неравенства, вызванное обогащением наиболее состоятельных слоев населения, несопоставимым с темпами экономического роста. Всё это усиливает недовольство значительной части населения на фоне уклонения от налогов и политического предательства элит, почти всегда связанного с коррупцией или хищением государственных средств. Чаще всего это характерно для автори-

тарных режимов. Социально-политические протесты против этих режимов, развернувшиеся практически по всему миру от Латинской Америки до Алжира, от Гонконга до Ливана и постсоветского пространства, систематически подавляются. Прежде они в ряде случаев завершались переходом к демократическому политическому устройству, что, впрочем, давалось не просто, как это было в Тунисе. В других случаях протесты заканчивались кровавыми гражданскими и военными кризисами, длящимися и по сей день (Ливия, Сирия).

Означают ли эти изменения, как утверждают некоторые авторы, завершение процесса глобализации или они являются одним из этапов в его развитии? Ответ на этот вопрос, очевидно, зависит от того, какое именно определение «глобализации» мы выбираем. Но в историческом понимании «длительного времени» (*temps long*) еще слишком рано, как нам представляется, говорить о «деглобализации».

В настоящее время наблюдается изменение характера международной торговли. Сокращение товарообмена может происходить, с одной стороны, из-за торговых конфликтов и протекционистских мер, исходящих от крупных субъектов мировой торговли, а с другой – из-за окончания периода высоких цен на сырье, имевшего место в 2000-е годы. В будущем указанные тенденции, возможно, получат дальнейшее развитие в связи с изменениями в структуре глобального спроса, которые наблюдаются сегодня в западных странах, что будет способствовать релокализации некоторых производств. Но каким бы неоднозначным и противоречивым ни был процесс глобализации, он тем не менее не остановился. Глобализация меняется под воздействием новых экономических, информационных, технологических и политических факторов. Основные изменения связаны, во-первых, с расширением доступа к цифровым технологиям населения планеты и, во-вторых, с экономическим подъемом ряда азиатских стран, особенно Китая. Кроме этого, глобализация трансформируется под воздействием кризисов, вызванных ее собственным развитием.

В статье рассматриваются недавно появившиеся в научной литературе интерпретации глобализации. Среди обширной литературы по данной теме мы выбрали несколько источников, представляющих разнообразные нормативные подходы к экономической глобализации, которые при всем своеобразии видения форм и проявлений нацелены на выявление ее перспектив. Также мы представим собственный взгляд на глобализацию и три сценария регулирования международных связей, которые были впервые сформулированы автором в 2010 г. [Vercueil 2010–2015], а позже скорректированы с учетом новых данных.

1. Возобновление дискуссии о глобализации

В последние десятилетия два взаимоисключающих суждения поочередно давали пищу для дискуссий о глобализации. Первое, анонсировавшее «счастливую глобализацию», приписывало развитию международной торговли положительную ценность. Это суждение противостояло тезису о «деглобализации», в соответствии с которым невозможно продолжать интенсифицировать товарообмен. Сторонники «деглобализации» порой предрекали ликвидацию крупных объединений, основанных на принципе свободной торговли, таких, в частности, как Европейский союз. Представим две эти позиции, прежде чем перейти к их критическому анализу.

1.1. «Счастливая глобализация» и споры вокруг нее

В 1997 г. Ален Минк опубликовал во Франции книгу «Счастливая глобализация», в которой восхвалялось снижение торговых барьеров [Minc 1997]. Вписываясь в русло экономического либерализма применительно к международной торговле, данный труд воспроизводил классическую аргументацию в пользу принципа свободы. В нем говорилось, что разделение труда является источником повышения производительности труда, а значит доходов и благосостояния. Нет никаких оснований, писал автор, полагать, чтобы разделение труда ограничивалось рамками одной страны, особенно если она небольшая. Устранение барьеров для международной торговли представлялось необходимым условием роста производительности в мировых масштабах и распространения ее эффектов на уровень жизни и в конечном счете на благополучие граждан. Страны, наиболее продвинутые в плане либерализации экономики, должны были служить моделью для отстающих стран и распространять свои «правильные» нормативные и торговые практики с тем, чтобы в мире ширилось осознание преимуществ мировой торговли по мере увеличения числа ее участников. «Глобализации обменов, – писал Минк, – должна соответствовать интернационализация норм» [Minc 2001].

Однако азиатский кризис 1997–1998 гг., а затем мировой финансовый кризис из-за обвала в США ипотечных кредитов (2007–2008) выявили противоположную тенденцию. «Плохие практики» развитых стран распространились на страны с быстро развивающейся экономикой и развивающиеся страны, в полной мере испытавшие на себе последствия финансовой глобализации. С учетом порождаемых ею кризисов глобализация перестала выглядеть такой уж счастливой для всех, несмотря на речи в ее защиту [Krugman 1998].

Так же как аргументы в пользу либерализации торговли столкнулись в начале XIX в. с мощным противостоянием¹, так и концепция «счастливой глобализации» вызвала многочисленные возражения. Среди ее критиков один из наиболее влиятельных современных авторов – корейский экономист Ха-Джун Чанг [Chang H.-J 2002]. Тезис, который он отстаивает, частично совпадает с рассуждениями Листа. Он берет за основу анализ соглашений о свободной торговле, предложенных, а точнее навязанных, наиболее развитыми странами развивающимся странам. Создавая условия, невозможные для конкуренции местной промышленности, эти соглашения, по мнению автора, возводят непреодолимые преграды для развития стран с более низким уровнем индустриального развития. Как следствие, единственный способ вырваться из отсталости для них – это защитить свою экономику от конкуренции, либо отказавшись от соглашений о свободной торговле, либо обходя их. Чтобы актуализировать старое понятие «воспитательный протекционизм», разработанное Ф. Листом, автор приводит в качестве примера путь развития Южной Кореи, которая долго сохраняла протекционистские меры в отношении импорта продукции обрабатывающей промышленности и «открылась» для мирового рынка, лишь когда ее основные отрасли нарастили сравнительные преимущества, позволявшие им стать конкурентоспособными на мировом уровне.

1.2. От критики глобализации к «деглобализации»: Реванш суверенизма?

С начала 2000-х годов критический анализ глобализации сосредоточился на том, как организовать международную торговлю альтернативным образом. Уолден Белло, филиппинский социолог и активист, впервые в 2002 г. использовал термин «деглобализация» [Bello 2002]. Для «Центра по изучению глобальных проблем Юга» («Focus on the Global South») – организации, в которой У. Белло является одной из ключевых фигур, «деглобализация не является синонимом отказа от мировой экономики, а представляет собой процесс перестройки мировой политической и социальной системы таким образом, чтобы она способствовала укреплению и развитию локальных и национальных экономик, вместо того чтобы их разрушать. Деглобализация мировой экономики означает переход от экономики, сконцентрированной вокруг потребностей ТНК, к экономике, сконцентрированной вокруг потребностей народов, наций и сообществ» [Solón].

---

1. В середине XIX в. в этой роли выступил Фридрих Лист, немецкий националист, автор теории «воспитательного протекционизма» [List, 1842].

В современном дискурсе о деглобализации появились два новых фактора по сравнению с теми, о которых говорил в свое время Ф. Лист: социальный и экологический. Углубление неравенства и общее ухудшение состояния окружающей среды связывают с интенсификацией торговых обменов, а также с процессами разрушения и расхищения природных ресурсов. Некоторые авторы квалифицируют происходящее как «несчастливую глобализацию» [Guénolet 2016]. Этот подход подразумевает, что вследствие деглобализации процессы ухудшения состояния окружающей среды и роста неравенства можно будет приостановить.

Одновременно с высказываниями в пользу сжатия международного торгового обмена некоторые аналитики предрекают его сокращение, ссылаясь на кризисы, которые он провоцирует. Так, Жак Сапир в заключении к книге о деглобализации, опубликованной в 2011 г., утверждает: «Не исключено, что в ближайшие 20–30 лет мы станем свидетелями отступления глобализации, подобно тому, как море отступает при отливе» [Sapir 2011, p. 247]. Призывы к укреплению национального суверенитета получают всё больший общественный резонанс. Их месседж заключается в необходимости отказа от евро; осуществлении политики девальвации как средства повышения конкурентоспособности; возврате к контролю за движением капиталов; восстановлении тарифных барьеров по отношению к импортным товарам и проведении промышленной политики, основанной на национализации или на государственном контроле над основными национальными финансовыми учреждениями [Sapir 2011, p. 252–256]. Такого рода рекомендации во Франции, как и во многих европейских странах, встречают растущий отклик у представителей различных политических сил от крайне левых до крайне правых.

1.3. Два ограниченных подхода к глобализации

Оба подхода, идет ли речь об углублении глобализации или ее свертывании, не учитывают всех составляющих глобального феномена, каким является глобализация. Сосредоточившись на вопросах финансов и международной торговли и связанных с ними социальных и экологических проблемах, они недооценивают важнейший фактор, определяющий развитие нынешней глобализации: циркуляцию информации в глобальном мире. Воздействие информационного фактора на экономику и поведение людей мало или вообще не анализируется упомянутыми авторами.

А ведь изменения, вызванные глобализацией информации, затрагивают все сферы общественной жизни и практически все национальные сообщества. При этом они не ведут к «выравниванию» общественных потребностей, хотя и дают возможность различным национальным сообществам устанавливать прямые контакты и оказывать влияние друг на друга. Именно поэтому авто-

ритарные режимы в первую очередь ведут борьбу с распространением информации и с переменным успехом пытаются ее ограничить, как это показывает пример Ирана или Китая. Объединение сообществ в Сети способствует тому, что всё большее число людей на планете осознает такие проблемы, как необходимость защищать личные и общественные свободы или недопустимость огромного неравенства доходов.

Взаимопроникновение индивидуальных и коллективных представлений сказывается на образе жизни. Несмотря на существенные различия, связанные с местом проживания и конкретными людьми, магистральная тенденция последних десятилетий – стремление всё большего числа людей достичь, хотя бы частично, уровня жизни и типа потребления средних классов, характерного для западных обществ. Это в первую очередь касается потребления продуктов питания. Как показывают исследования ФАО², в развивающихся странах урбанизация в сочетании с интенсификацией иностранных инвестиций и ростом импорта в эти страны ведет к изменению типов потребления продуктов питания подобно тому, как это происходило в прошлом в западных странах [Mendez, Porkin 2004]. Указанные выводы в целом справедливы и в отношении большей части расходов домохозяйств в странах с быстро развивающейся экономикой, где по мере роста реальных доходов населения меняется модель потребления в сторону увеличения расходов на потребительские товары, услуги, товары длительного пользования, инвестиции в недвижимость. Таким образом, в своем потребительском поведении домохозяйства стран Юга следуют той же стратегии, которая сложилась в странах Севера [Burger, Louw et al. 2014; Emerging Consumer 2017].

Эти явления объяснимы с точки зрения институциональной теории потребления Торстейна Веблена (1899), расширенной и модернизированной Джеймсом Дьюзенберри (1949). Структурные изменения в стилях потребления в указанных странах в результате сложного и порой противоречивого взаимодействия с политикой, а также из-за постоянного воздействия технологических инноваций могут самым непредсказуемым образом влиять на траектории социально-экономического развития.

А это означает, что анализ не может ограничиться ни принятием заклинаний, призывающих ко всё большему углублению глобализации, ни пророчествами *urbi et orbi*, предрекающими неизбежный крах международной торговли. Нынешняя форма глобализации обусловлена не только повышением производительности труда и инновациями, но и нормами потребления, что делает ее составной частью поведения людей в масштабах всей планеты. Таким образом, ни сама глобализация, ни силы, которые способствуют ее про-

---

2. ФАО – Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (*Food and Agriculture Organization*).

движению, не могут быть ни остановлены, ни ускорены или даже переориентированы по мановению руки того или иного руководителя.

2. Видимые изменения в процессе глобализации

Всемирная торговая организация для целей анализа развития мировой торговли использует как количественные, так и стоимостные показатели товарооборота. С 1950 г. объемы международной торговли возросли в 40 раз, а стоимость товарных сделок – в 300 раз. В период с 2006 г. и по настоящее время в результате международного финансового кризиса 2008 г. и экономической турбулентности 2015 г. в мировой торговле были отмечены серьезные колебания. Дважды был зафиксирован спад (в 2009 и в 2015–2016 гг.), что объяснялось снижением цен на энергоносители. Увеличение объема мировой торговли в 2019 г. прогнозировалось на уровне 2,6%, тогда как в 2018 г. этот показатель составил 3,8%, что превысило рост мирового ВВП за тот же период (2,6%) [Global trade 2019]. В таблице 1 представлены данные о развитии международной торговли в сопоставлении с другими экономическими показателями глобализации.

Таблица 1

ТОРГОВЫЕ ОБМЕНЫ В 2016 г. (100% = 2006 г.), в %

Торговля				Финансовые потоки	Миграция населения, 2015 ^а	Денежные переводы	Электронный обмен данными, 2014
Сырье	Товары	Сельхоз. продукция	Услуги				
90	125	170	166	250	127	175	3153

^а: 100% = 2005 г.

Источник: Подсчеты проведены автором на основе данных, представленных: Organisation des Nations Unies, Banque Mondiale, Mc Kinsey Global Institute, 2016.

За исключением торговли сырьем международные торговые потоки с 2006 г. возрастали. Наименьшее увеличение касалось товаров и миграции населения, но оба показателя всё же показывали рост в 25% или более. Рост торговли услугами, сельскохозяйственными товарами и увеличение объема денежных переводов произошел от 66 до 75%. По-прежнему бурно развивался обмен информацией, особенно в электронной форме (пропускная способность каналов передачи международных электронных данных увеличилась в 32 раза с 2006 по 2014 г.).

Интенсификация глобализации сопровождалась повышением среднего уровня доходов на душу населения в мире (в долларах по паритету покупа-

тельной способности) с 10 906 долл. в 2006 г. до 16 234 долл. в 2016 г. (49%). Конечно, рост доходов нельзя отнести лишь на счет международной торговли, поскольку между производством и торговлей существует как прямая, так и обратная причинная связь. К тому же финансиализированный характер этого роста порождает нестабильность, о чем свидетельствуют колебания цен в течение последнего десятилетия на недвижимость, финансовые активы и сырье. Причем, колебания эти, естественно, усиливаются в периоды кризиса.

Наконец, интенсификация торговли усиливает рост неравенства доходов как на национальном, так и на международном уровнях. Значительная часть экономических исследований подтверждает эту закономерность теоретическими аргументами, но ее трудно измерить из-за воздействия корректирующих мер, предпринимаемых государствами и местными органами власти в целях сокращения первичного доходного неравенства [Piketty 2013]. Так, если мы подсчитаем среднюю величину индекса Джини для 66 стран, по которым имеются данные с 2006 по 2016 г., мы увидим, что в этот период наблюдалось небольшое снижение данного показателя с 0,374 в 2006 г. до 0,36 в 2016 г.³ Это замечание не должно приводить нас к недооценке проблемы неравенства в мире, которое остается вопиющим, как показывают материалы Доклада о неравенстве в мире 2018 г. [Alvarez, Chancel et al. 2018].

Игнорировать социально-политические последствия высокого уровня неравенства невозможно. Особенно с учетом того, что население, получив бóльший доступ к информации, стало лучше осознавать его глубину. Можно предположить, что именно высокий уровень неравенства наравне с другими факторами объясняет растущее отторжение общественным мнением самой идеи глобализации, причем происходит это в тот момент, когда западные нормы потребления и связанные с ними ожидания продолжают распространяться в масштабах планеты. В результате этих противоречий могут возникнуть кризисы, которые национальным политическим системам будет трудно урегулировать, как о том свидетельствуют протестные движения, происходящие сегодня во многих странах мира, в том числе в России.

3. Три сценария развития глобализации в будущем

В одной из наших прошлых работ об экономиках стран БРИКС [Vercueil 2010–2015] мы предложили четыре сценария будущего развития системы управления мировой экономикой. Мы опишем здесь три из них, которые, как нам представляется, способствуют пониманию современных глобализационных процессов.

---

3. Расчеты автора произведены на основе данных Всемирного банка, 2018 г.

3.1. «Взрыв»

Современные тренды развития мировой экономики, проявляющиеся в макроэкономической несбалансированности на глобальном уровне, порождающие серьезные кризисы и влияющие на социальные и социально-политические процессы в странах – ключевых акторах, контролирующей мировую экономику, а также оказывающих воздействие на окружающую среду, таковы, что невозможно построить убедительный сценарий, основываясь на механическом воспроизведении прежних тенденций. Альтернативный сценарий может основываться на предположении относительно дальнейшего отхода от политики принятия скоординированных политических решений в сфере глобальной экономики и окружающей среды, наметившегося после 2007–2008 гг. Эти тенденции дают почву как для упомянутых пророчеств о деглобализации, так и для растущего противостояния населения происходящим изменениям. Они могут привести к развитию худшего сценария в случае, если различные кризисы будут накладываться один на другой и подпитывать друг друга, вызывая череду беспрецедентных обострений – экономических, политических, социальных и экологических в планетарном масштабе.

Воображаемой точкой отсчета, которую мы выбрали в 2010 г. [Vercueil 2010–2015], были трения в китайско-американских отношениях. Действительность подтвердила это предположение: между двумя странами в последнее время происходило разворачивание «тарифных войн» ограничительного характера. Последствия для двустороннего торгового обмена оказались значительными: снизились экспортные поставки и усилилась неопределенность, влияющая на международный спрос на оборудование [World Economic 2019]. Со временем к напряжениям в этой сфере могут добавиться «валютные войны», которые будут иметь куда более широкие последствия для торговых отношений между обеими державами, а также для их отношений с остальным миром. В сценарии «взрыва» потрясения, вызванные отсутствием согласования валютных политик, могут иметь тяжелые последствия вплоть до дестабилизации финансовых систем соответствующих стран. Как вторичный эффект они могут отразиться на внутреннем спросе, как это было во время «большой рецессии» 2008–2009 гг., и на мировых ценах на сырье, погрузив, в свою очередь, страны-производители в экономический кризис.

Социальные и политические последствия экономических и финансовых шоков способны вызвать социальные волнения, которые в странах с авторитарными политическими режимами могут принять оборот, схожий с «арабской весной» 2010–2011 гг. В европейских странах кроме усугубления политической нестабильности одним из следствий ухудшения финансовой и экономической ситуации может стать возвращение кризиса суверенных долгов. А при неудачном ведении дел кредиторами и инвесторами это возвращение

может вылиться в серию суверенных дефолтов и привести к распаду системы евро в ее нынешней форме, что углубит фрагментарность валютных и финансовых систем и подорвет доверие между участниками рынка.

В ухудшающейся ситуации международные силы, настроенные на сотрудничество, будут всё больше ослабевать. Ориентация на протекционизм и «валютные войны» будут сопровождаться подъемом национализма. В этом случае политическая и экономическая напряженность может вылиться в вооруженные конфликты. Если проводить исторические параллели, то на память приходит период 1930-х годов в Европе. В эти годы произошел глубокий перелом в мировой истории, но ни одна из крупных проблем, унаследованных от прошлого, – в частности дисбалансы, возникшие в результате волны либерализации экономики и торговли в XIX в., – не была решена [Polanyi 1944–1983].

3.2. «Регулирование»

Чтобы избежать рисков сценария «взрыва» потребуется компромисс на международном уровне, который привел бы к формированию более устойчивых механизмов сотрудничества. Целью международного сотрудничества должно стать урегулирование напряженностей в валютной и торговой сферах прежде, чем они приведут к серьезным кризисам. Второй сценарий, обозначенный как «регулирование», предполагает реформирование двух основных институтов управления мировой экономикой – МВФ и ВТО, направленное на предоставление большей формальной и фактической власти странам с быстро развивающейся экономикой и одновременно позволяющее осуществлять более четкое и последовательное финансовое, валютное и торговое регулирование мирового товарообмена.

Возможные области применения этого нового международного регулирования многочисленны. Во-первых, охрана окружающей среды, основанная на принципе возмещения ущерба виновником загрязнения, применяемом более равномерно по отношению к разным странам, который сдерживал бы наиболее загрязняющие производства и поощрял развитие деятельности, ориентированной на возмещение ущерба окружающей среде. Во-вторых, социальная и фискальная области, в которых могла бы осуществляться международная координация трудовых законодательств и систем социальной защиты, а также велась бы международная борьба с уходом от налогов. В-третьих, валютная и финансовая сферы, в которых осуществлялась бы борьба с офшорными зонами и международным отмыванием сомнительных капиталов, а также было бы введено международное налогообложение краткосрочных финансовых операций, предпринимались бы усилия по созданию между-

народной валюты и осуществлялось бы международное согласование позиций по государственным механизмам регулирования рынков капиталов.

В силу основательности указанные меры по совместному регулированию могут в большей или меньшей степени оказать влияние на международные торговые потоки, однако их глобальное воздействие на товарообмен в стоимостном выражении определить а priori невозможно. Относительные транспортные издержки могут возрасти, переориентировав товарообмен на услуги и способствуя релокации многих производств. Ввиду того что механизмы перераспределения отныне будут включать помимо локальной и национальной еще и международную составляющую, относительные доходы будут меняться иначе, чем прежде, в силу чего неравенство, возможно, будет ограничено или даже сокращено. В международном масштабе экономический рост в результате указанных изменений будет, несомненно, более слабым, чем раньше, но зато более стабильным, равномерным и устойчивым.

3.3. «Регионализация»

В основе третьего сценария – реструктуризация производственной, торговой и валютной активности вокруг крупных региональных полюсов. Будучи промежуточным между сценарием «взрыва» и сценарием «регулирования», этот сценарий допускает гипотезу, что конфронтация сохранится, однако дополняет ее предположением, что настроенные на международное сотрудничество силы продолжат противодействовать негативным тенденциям. Результатом станет развитие международного сотрудничества на региональном уровне, которое, однако, не приведет к контролю над глобализацией в масштабах планеты.

Залогом устойчивости региональных блоков станет существование в каждом из них как минимум одной доминирующей экономической региональной державы, способной гарантировать безопасность в регионе и надежность региональной валюты, направлять международное разделение труда в регионе и предлагать технологические и институциональные инновации. Региональная экономическая держава должна обладать территорией, населением (обладающим соответствующим уровнем квалификации), промышленным и организационным потенциалом, энергетическими ресурсами и национальной инновационной системой, которые давали бы ей возможность утвердиться в качестве лидера регионального блока.

Другие страны будут объединяться вокруг этого организационного полюса по мере того, как выгоды от регионального сотрудничества станут более ощутимыми, чем доходы от инвестиций в глобальную экономику. Таким образом, притягательная сила региональных полюсов будет усиливаться или уменьшаться в зависимости от соотношения результатов сотрудничества

в мировом и региональном масштабах. Возможность выхода из регионально-го объединения может быть ограничена путем принуждения со стороны государства (государств) с доминирующей экономикой. Примером может служить позиция СССР в отношении стран советского блока или обратная ситуация в ЕС в случае с Брекзитом.

Как минимум один из этих региональных полюсов будет находиться в Азии. В этом регионе единственной державой, способной объединить вокруг себя другие страны, является Китай. Однако определить на сегодняшний день геоэкономический масштаб того пространства, где Китай будет доминировать, затруднительно, поскольку в макрорегионе Китаю противостоят конкурирующие с ним в экономическом и политическом плане державы: Индия и главным образом Япония, а также Южная Корея, обладающая значительным торговым и технологическим потенциалом, но однако пока не имеющая достаточного демографического и дипломатического веса на Азиатском континенте. Фактор Японии и Индии, их историческое и дипломатическое влияние значительно осложняют утверждение Китая в качестве регионального центра. Кроме того, данный сценарий подразумевает увеличение интернационализации юаня, что может стать источником нестабильности для китайской экономики, которая, впрочем, по некоторым прогнозам, может быть преодолена в случае укрепления роли страны в регионе [Lahet 2017]. Другие региональные полюса, допустимые в рамках этого сценария, заслуживают самостоятельного анализа, выходящего за рамки данной статьи. Речь идет о Европе, которая в этом случае должна быть теснее, чем сейчас, связана с Россией и со странами Средиземноморского бассейна; о Латинской Америке и Северной Америке; об Африке к югу от Сахары и о Южной Азии, в том случае если Индия не присоединится к вышеупомянутому большому азиатскому полюсу.

Сценарий «регионализации» оставляет открытыми ряд вопросов, в частности каким образом будут решаться экономические, социальные и связанные с окружающей средой проблемы, выходящие за пределы полюсов, и, соответственно, проблемы отношений между региональными полюсами, которые, как можно предположить, будут в лучшем случае ограниченными, а в худшем – конфликтными. В связи с этим нам представляется, что ситуация, описанная в данном сценарии, является относительно нестабильной. Она может быстро трансформироваться в сценарий «регулирования» или «взрыва».

Заключение

Возможны и другие сценарии. Так, периметр региональных полюсов может варьироваться, международные коалиции могут выходить за региональные рамки, как это собственно и происходит, объединения могут груп-

пироваться на иных основаниях, нежели географическая близость, и вероятность этого будет возрастать, поскольку экономические отношения чем дальше, тем больше включают в себя нематериальные параметры: финансовые, информационные, юридические и институциональные. Поэтому основная задача нашей работы видится нам не в дискуссиях о вероятности того или иного сценария, а в том, чтобы показать, что можно не замыкаться в дилемме «счастливая глобализация» / «деглобализация», которая в конечном счете приводит аналитика к чрезмерному упрощению разворачивающихся в мире сложных процессов. Сценарный подход позволяет обогатить понимание происходящего при условии, что он опирается на доступные эмпирические данные, а не на пророчества, в которых идеология соперничает с пристрастностью.

Пер. с франц. яз. Е.Л. Ушковой

Библиография

- Alvarez F., Chancel L. et al. World Inequality Report 2018 // World Inequality Lab. 2018. 18 p. URL: <https://wir2018.wid.world/> (дата обращения: 30.12.2019).
- Bello W. Deglobalization: Ideas for a new world economy. New-York: ZED Books, 2002. 192 p.
- Burger R., Louw M. et al. Understanding consumption patterns of the established and emerging South African black middle class / University of Stellenbosch. 2014. 17 p. (Stellenbosch Economic Working Paper, 14).
- Chang H.-J. Kicking away the ladder. Development strategy in historical perspective. London: Anthem Press, 2002. 196 p.
- Duesenberry J.S. Income, saving and the theory of consumption behavior. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1949. 142 p.
- Emerging Consumer Survey 2017 / Crédit Suisse Research Institute. Zurich: Crédit Suisse AG, 2017. 80 p.
- Fukuyama F. La fin de l'histoire et le dernier homme. P.: Flammarion, 1992. 456 p.
- Global trade growth loses momentum as trade tensions persist // World Trade Organization. 2019. 2 Apr. (Press release; 837). URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres19_e/pr837_e.htm (дата обращения: 30.12.2019).
- Guénolé T. La mondialisation malheureuse. Inégalités – Pillages – Oligarchie. P.: First Éditions, 2016. 300 p.
- Krugman P. La mondialisation n'est pas coupable. Vertus et limites du libre-échange. P.: La découverte, 1998. 218 p.
- Lahet D. Le degré d'internationalisation du Renminbi. Un bilan d'étape fondé sur une revue de la littérature // Revue d'économie politique. 2017. N 5. Vol. 127. P. 761–811.
- List F. Système national d'économie politique. Paris: Gallimard, 1998. 573 p.
- Mendez M., Popkin B. Globalization, urbanization and nutritional change in the developing world // The Electronic Journal of Agricultural and Development Economics. 2004. Vol. 1. Issue 2. P. 220–241.
- Minc A. La mondialisation heureuse. P.: Plon, 1997. 260 p.
- Minc A. La mondialisation heureuse je persiste et signe // Le Monde. 2001. 17 août.

- Piketty T. Capital et idéologie. P.: Seuil, 2019. 1248 p.
- Piketty T. Le capital au XXIème siècle. P.: Seuil, 2013. 976 p.
- Polanyi K. La grande transformation. Aux origines politiques et économiques de notre temps. P.: Gallimard, 1983. 476 p. (1 ère éd. 1944).
- Reich R. L'économie mondialisée. P.: Dunod, 1993. 336 p.
- Sapir J. La démondialisation. P.: Le Seuil, 2011. 272 p.
- Solón P. World integration for people and nature: What is deglobalization? // Systemic alternatives. URL: <https://systemicalternatives.org/2014/08/14/notes-for-the-debate-deglobalization/> (дара обращения: 30.12.2019).
- Une mondialisation contrariée. L'Europe et la Chine face à de nouveaux enjeux / Sous la dir. de X. Richet, J. Vercueil. P.: L'Harmattan, 2019. 238 p.
- Veblen T. La théorie de la classe de loisirs. Paris: Gallimard, 1970. 322 p.
- Vercueil J. Les avatars de la mondialisation. Remarques sur quatre scénarios plausibles // Une mondialisation contrariée. L'Europe et la Chine face à de nouveaux enjeux / Sous la dir. de X. Richet et J. Vercueil. P.: L'Harmattan, 2019. P. 15–32.
- Vercueil J. Les pays émergents. Brésil – Russie – Inde – Chine... Mutations économiques, crises et nouveaux défis. 4 me éd. P.: Bréal, 2015. 260 p. (1 ère éd. 2010).
- World Economic Outlook / IMF. Washington (D.C.), 2019. Oct. 208 p.

References

- Alvarez F., Chancel L. et al. World Inequality Report 2018. World Inequality Lab. 2018. 18 p. URL: <https://wir2018.wid.world/> (date of access: 30.12.2019).
- Bello W. Deglobalization: Ideas for a new world economy. New-York: ZED Books, 2002. 192 p.
- Burger R., Louw M. et al. Understanding consumption patterns of the established and emerging South African black middle class / University of Stellenbosch. 2014. 17 p. (Stellenbosch Economic Working Paper, 14).
- Chang H.-J. Kicking away the ladder. Development strategy in historical perspective. London: Anthem Press, 2002. 196 p.
- Duesenberry J.S. Income, saving and the theory of consumption behavior. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1949. 142 p.
- Emerging Consumer Survey 2017 / Crédit Suisse Research Institute. Zurich: Crédit Suisse AG, 2017. 80 p.
- Fukuyama F. La fin de l'histoire et le dernier homme. P.: Flammarion, 1992. 456 p.
- Global trade growth loses momentum as trade tensions persist. World Trade Organization. 2019. 2 Apr. (Press release; 837). URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres19_e/pr837_e.htm (date of access: 30.12.2019).
- Guénolé T. La mondialisation malheureuse. Inégalités – Pillages – Oligarchie. P.: First Éditions, 2016. 300 p.
- Krugman P. La mondialisation n'est pas coupable. Vertus et limites du libre-échange. P.: La découverte, 1998. 218 p.
- Lahet D. Le degré d'internationalisation du Renminbi. Un bilan d'étape fondé sur une revue de la littérature. Revue d'économie politique. 2017. N 5. Vol. 127. P. 761–811.
- List F. Système national d'économie politique. Paris: Gallimard, 1998. 573 p.
- Mendez M., Popkin B. Globalization, urbanization and nutritional change in the developing world. The Electronic Journal of Agricultural and Development Economics. 2004. Vol. 1. Issue 2. P. 220–241.

- Minc A. La mondialisation heureuse. P.: Plon, 1997. 260 p.
- Minc A. La mondialisation heureuse je persiste et signe // Le Monde. 2001. 17 août.
- Piketty T. Capital et idéologie. P.: Seuil, 2019. 1248 p.
- Piketty T. Le capital au XXIème siècle. P.: Seuil, 2013. 976 p.
- Polanyi K. La grande transformation. Aux origines politiques et économiques de notre temps. P.: Gallimard, 1983. 476 p. (1 ère éd. 1944).
- Reich R. L'économie mondialisée. P.: Dunod, 1993. 336 p.
- Sapir J. La démondialisation. P.: Le Seuil, 2011. 272 p.
- Solón P. World integration for people and nature: What is deglobalization? Systemic alternatives. URL: <https://systemicalternatives.org/2014/08/14/notes-for-the-debate-deglobalization/> (date of access: 30.12.2019).
- Une mondialisation contrariée. L'Europe et la Chine face à de nouveaux enjeux / Sous la dir. de X. Richet, J. Vercueil. P.: L'Harmattan, 2019. 238 p.
- Veblen T. La théorie de la classe de loisirs. Paris: Gallimard, 1970. 322 p.
- Vercueil J. Les avatars de la mondialisation. Remarques sur quatre scénarios plausibles. Une mondialisation contrariée. L'Europe et la Chine face à de nouveaux enjeux / Sous la dir. de X. Richet et J. Vercueil. P.: L'Harmattan, 2019. P. 15–32.
- Vercueil J. Les pays émergents. Brésil – Russie – Inde – Chine... Mutations économiques, crises et nouveaux défis. 4 me éd. P.: Bréal, 2015. 260 p. (1 ère éd. 2010).
- World Economic Outlook. IMF. Washington (D.C.), 2019. Oct. 208 p.